

М. І. Глінкі, С. В. Рахманінава. Так, у Рэчыцы выступаў з канцэртамі мясцовы хор пад кіраўніцтвам рэжысэра О. А. Старажукова. У праграму ўваходзілі рускія, украінскія, беларускія народныя песні, а таксама складаныя класічныя творы, якія патрабавалі добрай падрыхтоўкі. У Лунінцы мясцовы хор пад кіраўніцтвам настаўніка спеваў К. А. Чурко, акрамя народных песень, выконваў творы А. С. Даргамыжскага, М. П. Мусаргскага, М. А. Рымскага-Корсакава.

Развіццё харавога выканання ў Беларусі сведчыла аб агульных дэмакратычных тэндэнцыях у музычнай культуры рускага і беларускага народаў. Цікавасць да народнага мастацтва павышалася і ў сувязі са з'яўленнем у канцы XIX ст. новай галіны канцэртнага выканання: ансамблевай ігры на народных інструментах. Ініцыятарам і прапагандыстам гэтага віду мастацтва быў Васіль Васільевіч Андрэеў. Гарачы аматар народнай музыкі, ён з дзяцінства праявіў вялікую цікавасць да рускіх народных інструментаў, асабліва да балалайкі, віртуозна валодаў ёй і стаў яе прапагандыстам спачатку ў правінцыі, а потым у Пецярбурзе і Маскве. У 80-х гг. XIX ст. ён стварыў ансамбль балалаек, а затым дапоўніў яго домбрамі, гуслямі і іншымі інструментамі. Асновай рэпертуару яго канцэртаў былі апрацоўкі народных песень. Дзейнасць калектыву прыцягвала ўвагу многіх відных кампазітараў і музыкантаў. Для яго аркестра пісалі музыку М. А. Рымскі-Корсакаў, А. К. Глазуноў, С. І. Танееў.

Варта адзначыць, што ў распаўсюджванні ігры на народных інструментах В. В. Андрэеў бачыў сродак мастацкага выхавання рабочых і сялян¹¹. У час канцэртаў у Мінску, Гомелі, Віцебску, Полацку В. В. Андрэеў пераканаўся, што яго мастацтва па-сапраўднаму любіць народ. «Восторжэнно, с большым почитанием встречала минская публика выступления оркестра»¹². Прыклад андрэеўскага ансамбля выклікаў шматлікія перайманні. І, напэўна, вялікая папулярнасць віцебскага аркестра балалаечнікаў пад упраўленнем Э. Вяссмертнага, які выступаў у многіх гарадах і мястэчках Беларусі, была абумоўлена гэтым уплывам.

Такім чынам, беларуская і руская музычныя культуры, у тым ліку і песенная творчасць, развіваліся ў цесных сувязях, абагачаліся ўзаемнымі дасягненнямі.

¹ Гл.: Нісневіч С. Крыніца хараства і натхнення // Полымя. 1959. № 8. С. 173.

² История белорусской музыки. М., 1976. С. 26.

³ Гл.: Труды Музыкально-этнографической комиссии. М., 1906. Т. 1. Ч. 2. С. 61.

⁴ Гречанинов А. Т. Моя музыкальная жизнь. Париж, 1934. С. 27.

⁵ Нісневіч С. Указ. работа. С. 173.

⁶ Там жа. С. 180.

⁷ Гл.: ЦДГА БССР. Ф. 1416, воп. 6, спр. 854, арк. 471—472.

⁸ Там жа. Спр. 813, арк. 225.

⁹ Русская музыкальная газета. 1901. № 1—17. С. 47.

¹⁰ Там жа. 1902. № 32—33. С. 152; ЦДГА БССР. Ф. 1416, воп. 6, спр. 813, арк. 230.

¹¹ Гл.: Андреев В. В. Великорусский оркестр и его значение для народа. Пг., 1917. С. 3.

¹² Минский голос. 1912. 2 окт.

К. А. ПЕТРОВ

РИТУАЛ И РИТУАЛИЗИРУЮЩЕЕ МИРОВОСПРИЯТИЕ

Ритуал — это система определенных упорядоченных действий, механических или когнитивных, модель этих действий. Исторически ритуал нес магическую, религиозную окраску, что связано с особенностями мышления древнего человека, но это вовсе не значит, что ритуал вообще — обязательно ритуал религиозный. Поскольку главное в ритуале, с этимологической точки зрения, упорядоченность, то любая относительно стабильная совокупность упорядоченных действий, в которую субъект вкладывает определенный смысл, может рассматриваться в качестве ритуала, а не в виде его отдаленных пережитков в настоящем, давно утративших связи со сферой ритуала, как считают некоторые исследователи¹.

Одной из предпосылок ритуала в человеческом мире является определенная существенная черта нашего мышления, которую можно также назвать определенным типом мышления. Поскольку ритуал возникает на ранних этапах истории и явно играет в это время чрезвычайно большую роль, то целесообразно вкратце рассмотреть, что представляет собой архаическое мышление.

Для него характерна, во-первых, большая слитность человека и природы. «Непосредственная и постоянная конфронтация с силами физического мира и биологического окружения... создает очень эмоциональное и в конечном счете глубоко личное отношение к этим силам»².

Во-вторых, глубокое духовное и эмоциональное слияние личности и социального сообщества. Эти две характеристики выражают то, что у Л. Леви-Брюля называется партиципацией, т. е. сопричастностью³. Третьей чертой данного типа мышления является эмоциональная чувствительность, напряженность общения, вызванная определенной неустойчивостью жизни. «Неопределенность вызывает высокий уровень возбудимости...»⁴. В-четвертых, для него характерна большая образность. По мнению немецкого психолога Ф. Кликса, она обусловлена высокой эмоциональностью, так как сильный аффект влияет на формирование памяти именно в плане повышения ее пластичности, образности⁵. Иными словами, перед нами сильно аффектированное мировосприятие.

Данное мировосприятие вряд ли можно локализовать только в одну историческую эпоху или одну стадию развития общества. О нем мы можем говорить и применительно к средневековью, и позднее⁶.

Характеризуя мышление, можно использовать различные «частичные» определения, выделяющие какую-то одну сторону явления, одно его измерение. Касаясь древности, упоминают о мифологическом или мифопоэтическом мышлении, возвращаясь к современности — об историческом и естественнонаучном⁷. По моему мнению, речь может идти о сосуществовании различных типов (измерений) мышления. Для одного из этих измерений я хочу предложить термин «ритуализирующее мировосприятие», подчеркивая тем самым двустороннюю связь между мыслящим субъектом и внешним миром.

Аффектированность вызывает ритуализацию. Что же вкладывается в это понятие? Я понимаю под «ритуализацией» активную деятельность сознания по духовному, идеальному упорядочению мира и тем самым овладению им, которая может базироваться на реальных его взаимосвязях, что, однако, не является обязательным. «Ритуализацию» я рассматриваю как внутренне присущую человеческому мышлению характеристику. Она представляется отражением психологической потребности в упорядочении, ориентации с целью снятия напряженности.

Общеизвестно отличие труда человека от деятельности пчелы по постройке сот. Мышление возникает в структуре труда как система подготовки дальнейших целенаправленных действий. Оно представляет собой высшую форму не только психической деятельности, но и всей психической жизни. Само же психическое отражение «возникает, развивается в структуре поведения, выполняя ориентирующую функцию...»⁸

Мы знаем две основные формы живого: растения и животные. Главное отличие между ними заключается в большей активности организма животных по отношению к внешнему миру, что выражается в поиске необходимых для существования условий и избегании условий неблагоприятных. Когда необходимое не находится в непосредственной близости, нужно предпринять целую серию действий, чтобы получить желаемое. Для вычленения этих действий организму необходимо реагировать не только на те воздействия, которые прямо соотносятся с обменом веществ, но и на те, которые лишь предупреждают об их появлении, т. е. необходимо ориентироваться в среде. «Появление у организмов способности ориентироваться по отношению к биологически нейтральным воздействиям и есть первоначальная форма психической жизни»⁹.

Ориентировочный рефлекс не только первоначальная, но и весьма значимая форма психической жизни. Ему принадлежит большая роль в приобретении индивидуального опыта. Психологи склоняются к мысли о зависимости между индивидуальными особенностями ориентировочного рефлекса как врожденной реакции и способностями человека, как общими, так и специальными¹⁰.

Даже мы, живущие в современном упорядоченном, в значительной степени регламентированном мире, порой оказываемся в ситуациях, когда придавленные обилием и разнохарактерностью окружающих предметов и явлений мучительно ищем точку опоры, чтобы иметь возможность жить. Жить — значит действовать. Но как действовать, если находишься в каком-то неустойчивом положении, не имея под ногами твердой почвы? В болоте можно утонуть. А каково было первобытному человеку, которому угрожали на-

воднения и пожары, причину которых он не знал, хищные животные и ядовитые растения, которые могли лишить его жизни. Пестрота, разнообразие мира, его неожиданные воздействия на человека вызывают напряжение, являются своего рода испытанием на прочность. Даже в современных сейсмоустойчивых строениях порой небезопасно, что же говорить о далекой заре человечества? Чтобы выжить, необходимо действовать, чтобы действовать — нужна информация. Информация добывается посредством действия. Замкнутый круг?

Информация — это определенная упорядоченность сигналов. Чтобы добыть ее, надо выявить связи между кажущимися хаотичными элементами мира. Не всегда связь явлений и предметов лежит на поверхности. Мыслящий субъект должен проявить активность для того, чтобы выявить эту связь. Если за точку отсчета взять не окружающий мир, а самого субъекта, то психологически операция по выявлению связей представляется как их установление, т. е., с точки зрения индивида, происходит упорядочение хаоса, ритуализация. Но если невозможно установить реальные связи? Необходимо действовать, а информации не хватает. Тогда устанавливаются воображаемые связи, которые дают возможность действовать и тем снижают психологическую напряженность. Возможность действия приводит к реальному действию, а оно дает информацию, благодаря которой дальнейшие действия строятся уже на реальных закономерностях и поэтому приводят к позитивным результатам. Круг разорван.

Человек сориентировался, превратил хаос в космос, пусть даже и в воображении. О том, насколько это было важно, свидетельствует наличие как на Востоке, так и на Западе огромного числа мифов и отражающих их ритуалов, в которых настойчиво звучит тема упорядочения хаоса. Упорядочение мира — это овладение им.

Действие ритуализирующего мировосприятия можно обнаружить и в культе царя, существовавшем во многих древних обществах. Обожествление правителя в восточных деспотиях вполне понятно с точки зрения идеологического обоснования власти, чему способствовали и более древние представления о мистической силе вождя. Но в одних странах культ царя развит более, в других менее, причем второе наблюдается там, где удалось достигнуть больших успехов в систематизации общегосударственного пантеона. Мне кажется, что степень выраженности культа царя определяется, помимо всего прочего, его компенсирующей психологической функцией.

Простой древнеегипетский землепашец даже не задумывается, что на другом конце великой страны представляют себе взаимоотношения богов как-то иначе, но для писца, мыслящего в иных масштабах, это безразлично. Противоречия вызывают напряженность, которая снимается в акте частичной систематизации за счет повышения роли культа царя-бога, психологически принимаемого в рамках всего данного государства.

Ритуализирующий характер нашего мировосприятия проявляется и в быту. У представителей франкской династии Каролингов от Пиппина Геристальского до сыновей Карла Великого, например, чередуются вполне определенные имена: Пиппин, Карл, Карломан. А сколько Александров и Николаев среди российских императоров и великих князей в XIX—XX вв.! И в наши дни нередко ребенка называют не просто понравившемся именем, а в честь отца, деда, дяди и вообще близкого человека. Таким путем подчеркивается, устанавливается связь, единство рода, группы единомышленников, т. е. вокруг себя индивид образует упорядоченное духовное пространство, в котором и находит опору в случае разного рода катаклизмов.

Но все ли люди нуждаются в подобной опоре? Иначе говоря, как быть с психологическим типом авантюриста, для которого, казалось бы, неприемлемо понятие ритуализация? Это люди, обостренно воспринимающие давление обыденности, стремящиеся вырваться из рутины, не терпящие ничего раз и навсегда данного, стремящиеся ко все новым и новым, подчас рискованным приключениям. Несмотря на то, что поведенческий стереотип основывается на постоянном отказе от регулярности, упорядоченности, однако он представляет собой упорядоченность и регулярность, является вполне определенной и сознательно избираемой моделью поведения и в этом смысле также продуктом ритуализирующего мировосприятия. Надо признать, что в этом случае ритуализация протекает своеобразно, поскольку человек находит опору для своего поведения в принципе отказа от всякой опоры, кроме своих собственных сил, которые рассматриваются как данность.

Ритуал — сложное, многоаспектное явление. Для осмысления его, безусловно, нужны коллективные усилия. В данной статье намечены лишь некоторые черты психологического подхода, который ничуть не претендует на универсальность.

¹ См.: Топоров В. Н. О ритуале: Введение в проблематику // Архангелский ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 31.

² Кликс Ф. Пробуждающееся мышление / Пер. с нем. М., 1983. С. 152.

³ См.: Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления. М., 1981. С. 138.

⁴ Кликс Ф. Пробуждающееся мышление. С. 152.

⁵ См.: Там же. С. 153—154.

⁶ См.: Хейзинга Й. Осень средневековья / Пер. с голл. М., 1988; Эскола А. Личность и исторические изменения // Проблемы психологии личности. М., 1982. С. 38 и далее.

⁷ См.: Топоров В. Н. О ритуале. С. 9.

⁸ Тихомиров О. К. Психология мышления. М., 1984. С. 213.

⁹ Там же. С. 212.

¹⁰ См.: Голубеева Э. А. Ориентировочный рефлекс в структуре природных предпосылок общих способностей // Проблемы психологии личности. М., 1982. С. 213 и далее.

А. А. ПРОХОРОВ

О НЕКОТОРЫХ СИМВОЛАХ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ У ИНДОИРАНЦЕВ В СВЕТЕ ГИППОЛОГИЧЕСКОГО КУЛЬТА

Важность использования коня и колесницы в военном деле обусловила их значительное место в институте царской власти у индоевропейских племен. Связь культа коня и власти вождя, ее божественное обоснование фиксируется археологами уже с середины IV тыс. до н. э. Именно этим временем датируется найденный в погребении вождя в степях Южной Украины ритуальный жезл в виде головы коня¹. В III тыс. до н. э. в связи с миграцией индоиранских племен подобные изображения распространились далеко на восток и в предгорья Кавказа².

Отождествление царской власти с владельцем жезла подтверждает миф о появлении на свет Ормизда (Ахура-Мазды). Зерван, зная, что его сын будет управлять миром, «жезл, который держал в своей руке и которым приносил жертвы, вручил Ормизду»³. О форме жезла ничего не говорится, но важно уже то, что он символизирует власть Ормизда, воплощение которого — белый конь.

В степной полосе жезлы в виде конской головы просуществовали до VIII—VII вв. до н. э. у скифов. Здесь они стали принадлежностью военачальников. Сильнее проявилась их связь с солярными культами⁴. Вместе со скифами жезлы проникли в Иран.

К какому этапу развития мифологической мысли можно отнести появление этих зооморфных жезлов в IV тыс. до н. э.? Легче всего, казалось бы, отнести их к периоду тотемизма. Но к этому времени тотемизм как целостная система религиозных взглядов уже не существовал. Все же влияние его на восприятие смысла жезла представляется несомненным.

Жезл изображает первопредка-родоначальника племени, который ранее мыслился как священное животное, прародитель, а теперь как человек-родоначальник, ипостасью которого является конь. В различных индоевропейских мифологиях мы можем выделить группу подобных образов.

Если мы здесь говорим о целой группе образов, составляющих этот тип, то не следует думать, что каждый образ, засвидетельствованный в какой-либо индоевропейской мифологической системе, имеет все черты типа. «Каждый миф, едва родившись, модифицируется рассказчиком — внутри родовой группы или при передаче от народа к народу. Одни элементы в нем исчезают, другие появляются, эпизоды меняются местами, а искривившаяся структура проходит через целый ряд состояний, последовательных изменений, которые сохраняют тем не менее свойства целой группы»⁵. Поэтому когда мы говорим об образах определенного типа, это значит, что образ обладает большинством признаков данного типа или это большинство восстанавливается для него. Ключевыми образами этого типа являются среднеазиатский Сиявуш, ведийский Яма, авестийский Йима. Прежде всего надо выяснить их происхождение. Отцом Йимы является Вивахвант, воплощение Солнца, точно так же, как отец Ямы — Вивасват, ставший впоследствии